

Г. С. Старостин

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ЯЗЫКОВОГО АНАЛИЗА ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ТЕКСТОВ (Ч. 2)¹

Статья представляет собой вторую часть небольшого исследования (первая часть опубликована в «Вестнике РГГУ» за 2012 г.), в котором делается попытка суммировать основные текущие проблемы понимания и перевода текстов, написанных на древнекитайском языке в I тыс. до н. э. Во второй части бегло разбирается последний из ключевых теоретических вопросов, стоящих перед исследователем (соотношение «естественного» и «искусственного» компонентов в языковых законах построения древнекитайского текста), а также излагаются соображения практического-методологического характера относительно возможного будущего устройства «идеального» словаря древнекитайского языка, отвечающего уровню современных научных представлений и в равной степени полезного как для квалифицированного исследователя, так и для студента.

Ключевые слова: синология, древнекитайский язык, история китайского языка, естественные и искусственные языки, иероглифическая письменность.

Структура древнекитайской фразы: «естественность» или «искусственность»?

Рассмотрим последний аргумент в пользу «неестественности» древнекитайского языка, излагаемый обычно в обтекаемых формулировках:

Сама структура китайского текста, доминируемая законами параллелизмов и испытывающая тенденцию к определенному ритмическому строению и жесточайшему лаконизму, принципиально не может отражать живой дискурс.

Данную концепцию чаще всего можно обнаружить в работах, так или иначе имеющих отношение к анализу определенного типа философских и натурфилософских памятников китайского творчества – «Дао дэ цзин», «Сюнь-цзы», «Люйши чуньцю» (из раннедревнекитайских текстов сюда в первую очередь относятся древнейшие слои «И цзин» и т. п.). Содержание этих текстов действительно облекается

их анонимными авторами (или скорее, что немаловажно, редакторами их «канонических» версий) в довольно жесткую форму, подчиняющуюся разной степени строгости фонетическим (ритм, рифма) и стилистическим (параллелизмы) правилам². Даже самый поверхностный анализ этих правил показывает, что сложность построенного с их помощью текста вряд ли могла воспроизводить аналогичную сложность «естественно» звучащей устной речи даже образованных слоев древнекитайского общества, не говоря уже об обычной, «простонародной» манере изъясняться.

Однако не следует забывать, что, во-первых, строгая симметричность и регламентированность формы характерна только для некоторых, но далеко не для всех видов древнекитайских памятников. Так, ритуальные надписи на бронзовых сосудах, построенные по определенному образцу, и отдельные документы «Шу цзин» написаны примерно на одной и той же форме раннедревнекитайского языка, но «Шу цзин» отличается намного большей «вольностью» в подборе формулировок и их взаимном позиционировании — возможно, потому, что надписи на сосудах в большинстве своем сочинялись по готовым и многократно опробованным шаблонам, в то время как тексты «Шу цзин» должны были сами представлять образец для подражания. Поэтический трактат «Дао дэ цзин» (наполовину стихотворный, наполовину написанный ритмической прозой) в каком-то смысле сам подталкивает исследователя к формальному анализу своей внутренней структуры, чего нельзя, пожалуй, сказать о диалогах и монологах сугубо прозаического и очевидно «асимметричного» трактата «Мэн-цзы», и т. п.

Во-вторых, само по себе утверждение, что в основе того или иного текста лежит живой язык той эпохи, в которую он был написан, не означает, что этот текст уже в момент создания или несколько позже не мог быть подвергнут специальной литературной обработке. Разбирая «Дао дэ цзин», афоризмы Конфуция или любой другой текст классической древнекитайской эпохи, важно осознавать не то, насколько достоверно он воспроизводит образцы живой устной речи (этого мы, скорее всего, не узнаем никогда), а то, *насколько этот текст мог быть понятен окружающим при произнесении его вслух* — кстати говоря, тот факт, что многие (хотя и не обязательно все) древнекитайские тексты с момента своего создания имели преимущественно *устное* хождение, косвенно подтверждается многочисленными графическими расхождениями между различными вариантами одного и того же текста, зафиксированными в разных редакциях памятников³. Если бы вся древнекитайская литература изначально была строго «письменно ориентированной», таких расхождений (а про многие из

них совершенно очевидно можно сказать, что они объясняются отсутствием единой нормы записи для различного рода редких слов) ожидалось бы намного меньше.

Сегодня можно уверенно утверждать, что, вплоть до окончательного оформления в эпоху Хань концепции «образцов для подражания», письменных текстов, *буквальный* смысл которых на момент их сочинения был бы непонятен рядовому (или хотя бы «рядовому образованному») носителю китайского языка при восприятии на слух, принципиально не существовало. Более того: правильное понимание фонетики и грамматики древнекитайского языка и принципов их отражения в графике позволяет сказать, что устное восприятие этих текстов должно было для такого носителя быть *легче*, чем зрительное, так как избавляло его от необходимости разбираться в запутанной и непоследовательной системе иероглифической омографии, при которой, в частности, один и тот же знак мог передавать множество фонетически близких, но все же не полностью совпадающих слов. Что же касается специальных приемов распределения частей текста по симметричным ячейкам параллельных структур и т. п., то вряд ли они затрудняли его понимание на слух в существенно большей степени, чем, например, «жонглирование словами», характерное для классической латинской поэзии, когда обычный порядок слов приносился в жертву жестким требованиям метрики.

Собственно говоря, единственной серьезной претензией, которую в этом плане можно предъявить древнекитайскому языку, является его знаменитая *лаконичность*, понимаемая как целенаправленное стремление уместить максимальное количество информации в минимальное число слов. Как правило, из всех «неестественных» особенностей древне- (и не только древне-)китайского текста именно эта бросается в глаза в первую очередь, и не случайно, что именно лаконизм древнекитайских текстов в качестве основного аргумента «искусственности» этого языка выдвигали в свое время и Г. Крил, и Г. Дабс⁴. Здесь, однако, опять-таки необходимо ввести четкую грань между *грамматическим* лаконизмом, *стилистическим* лаконизмом и своего рода «*телеграфным*» лаконизмом, принципиальное различие между которыми в подобных дискуссиях часто игнорируется или недооценивается.

Грамматический лаконизм заключается в обязательном или «рекомендуемом» опущении тех или иных членов предложения в определенных ситуациях. Сюда относится, например, регулярное опущение подлежащего, если оно выражено местоимением 3-го л. («он, она, они»; в редких случаях, когда этого требовало актуальное членение, в соответствующей позиции могло появиться указательное местоимение 彼 *би* «тот»), или столь же регулярное отсутствие условного союза 如

жу «если» в протасисе условного предложения (кстати, еще один косвенный аргумент в пользу устной передачи большинства текстов — условие в древнекитайском языке, судя по частотности бессоюзной связи в условных предложениях, выражалось в первую очередь интонационно, но никаких специальных средств маркирования интонации в древнекитайской письменности разработано не было). Ни одна из особенностей грамматического лаконизма в древнекитайском не является типологически уникальной, так что в качестве аргумента об «искусственности» этого языка его рассматривать не придется.

Стилистический лаконизм представляет собой обусловленное требованиями формы высказывания (поэтическая речь, ритмическая проза, параллельная конструкция, афоризм и т. п.) стремление к сокращению плана выражения, *не сопровождаемому сокращением плана содержания*. Этот момент очень важен. Так, если в русских академических переводах классических китайских памятников обратить внимание на слова и словосочетания в квадратных скобках, «доставляемые» переводчиком, то окажется, что в подавляющем большинстве случаев отсутствие для этих вставок конкретных эквивалентов в тексте оригинала не влияет на правильное понимание его смысла; расширения текста перевода требуют в первую очередь законы построения правильного литературного текста на русском языке и особенности русской идиоматики, существенно отличающиеся от китайской.

Возьмем для примера следующий пассаж из первой главы ханьского памятника «Янь те лунь» («Спор о соли и железе»): 竊聞治人之道, 防淫佚之原, 廣道德之端, 抑末利而開仁義 *це вэнь чжи жэнь чжи дао, фан инь и чжи юань, гуан дао даэ чжи дуань, и мо ли эр кай жэнь и*. В переводе Ю. Л. Кроля⁵ эти 23 слога превращаются в следующий текст:

Я, недостойный, слышал, что способ устройства людей состоит в том, чтобы преградить истоки необузданных желаний и распущенности, развить зачатки умения следовать по истинному пути и внутренней духовной силы, подавлять [жажду] выгоды от второстепенного [занятия] и открыть [дорогу стремления к] человеколюбию и справедливости

т. е. количество *слов* (42) оказалось почти удвоенным, а поскольку русские слова в большинстве своем более чем односложны, общая звуковая длина текста возросла более чем в три раза по сравнению с оригиналом.

Никак не отрицая того, что даже самый буквальный текст русского перевода всегда окажется длиннее китайского оригинала (исходя из фундаментальных различий в структуре слова), необходимо тем не менее, эксплицитно признать, что в данном случае китайский текст не опускает *никакой* информации, которая была бы необходимой для его

однозначного понимания. Попробуем продемонстрировать это через максимально дословный перевод на русский язык:

Украдкой слышал: путь упорядочивания людей — преграждение истоков излишеств и распушенности, расширение зачатков Пути и Добродетели, подавление побочности и выгодности, раскрытие гуманности и справедливости.

Имея на выходе значительно менее художественный и более трудный для восприятия русского читателя пассаж, который, хотя и нарушает некоторые фундаментальные законы построения русского текста, при этом все же является «формально правильным» в плане синтаксической сочетаемости, мы получаем последовательность из 23 слов — ровно то же количество, что и в китайском оригинале. При этом нельзя сказать, что итоговый текст оказался недоступным для понимания (разве что в отношении слова «побочность», которым передано переносное значение китайского 末 *мо* «ветвь», «ответвление» → «что-л. второстепенное, вторичное, несущественное», но никакого «эллипсиса» в китайском тексте здесь нет). В нем нет попытки подробно раскрыть суть китайских философских терминов (*дао* «Путь» вм. «истинного пути», *дэ* «Добродетель» вм. «внутренней духовной силы» у Кроля и т. п.), но для китайского читателя/слушателя эпохи Хань такое раскрытие было излишним. Понятно, что под 道 *дао* в первой фразе и *дао* в третьей фразе понимаются несколько разные референты (в первой фразе *дао* — это скорее «правильный метод осуществления какой-л. программы действий», в третьей — «истинный Путь» как высшее нравственное начало), но эта разница однозначно выводится из контекста, так как *дао* в третьей фразе встречается в составе идиоматического выражения *дао-дэ*, внутри которого оно может иметь только значение «истинный Путь» и никакое другое.

Можно ли считать, что текст оригинала лаконичен из-за стилистических эллипсисов, т. е. что в переложении на разговорный язык ханьской эпохи он оказался бы длиннее? На этот вопрос можно пока что ответить только спекулятивно. Действительно, несколько смущает, например, полное отсутствие предикативной связки между подлежащим и именной частью сказуемого: в разговорном языке I в. до н. э. между *чжи жэнь чжи дао* и *фан инь* и *чжи юань*, вероятно, стоял бы по крайней мере служебный предикат 為 *вэй*, а возможно даже и бывшее указательное местоимение 是 *ши* «это», которое как раз в ханьский период постепенно начинало переходить в категорию служебных глаголов. Вместо глаголов-однослогов 防 *фан* «преграждать» и 廣 *гуан* «расширять», возможно, носитель живого языка употребил бы (как в современном путунхуа) более однозначные для восприятия двуслоги (особенно в случае *фан*, которое даже в древнекитайском

языке должно было иметь звучание **baŋ* и было полностью омонимичным слову 房 **baŋ* «комната», позже «дом»).

С другой стороны, отсутствие предикативной связки вполне могло компенсироваться интонационными особенностями произношения (например, повышением или понижением интонации при произнесении подлежащего), а уточнение значения предиката **baŋ* уже заложено в самом тексте, где за ним непосредственно следуют слова *инь* «разливаться, наводнять(ся), переливаться через край» (→ переносное значение «превышать меру, излишествовать») и *юань* «исток, источник»: устойчивые сочетания *фан-инь* и *фан-юань* «преградить разлив (воды)», «закупорить источник» и т. п. встречаются и в других древнекитайских текстах, так что здесь легко могло иметь место опознание значения морфемы через ее сочетаемость, опять-таки точно так же, как это происходит в современном языке.

Безусловно, как данный пассаж, так и практически любой другой *можно* было бы расширить, введя несколько дополнительных служебных слов и квазисинонимичных дублетов; однако мы не обладаем эксплицитными доказательствами того, что текст в обязательном порядке *требовал* бы такого расширения, если бы он действительно претендовал на передачу устной речи. Лаконичность такого рода можно считать признаком определенного языкового стиля, но не признаком «искусственности» самого языка, базисные компоненты которого остаются на своем месте.

Все вышесказанное не отрицает наличия в древнекитайском корпусе и своеобразных «текстов-эксцессов», строящихся на основе обычно замкнутого аппарата шаблонных формул — таких, как гадательные сентенции «И цзин», чеканные летописные записи «Чунь цю» или столь же формалистичные комментарии к этому памятнику в «Гуньян чжуань» и «Гулян чжуань». Тип лаконизма, свойственный такого рода текстам, можно назвать *телеграфным*: в них информация передается в максимально сжатом виде, что делает ее практически недоступной для однозначного понимания. Конкретная мотивация, стоящая за «телеграфным лаконизмом», нам неизвестна: это могло быть и намеренной «мистификацией» (что было бы совершенно естественным, например, для гадательных текстов, однозначное понимание которых ставило бы под угрозу институт гадания как таковой), и особым видом «скорописи», разработанной в той или иной профессиональной среде и предназначавшейся в первую очередь для письменной коммуникации между специально обученными экспертами (так могли возникать сжатые формулы «Чунь цю» и других исторических анналов). Очевидно лишь то, что «телеграфный стиль» действительно представлял собой проблему даже для древнекитайских

интеллектуалов — неслучайно наиболее древние из известных нам развернутых комментариев к «канонам» относятся именно к «И цзин» («Десять крыльев») и к «Чунь цю» («Цзо чжуань»). Но было бы неправомерно абсолютизировать «телеграфный стиль», пытаюсь, например, доказать, что он лежит *в основе* канонической древнекитайской литературы, и рассматривая дальнейшую эволюцию китайской словесности как своего рода переход от формульного «языкового минимализма» к постепенному расширению инвентаря и структурно-сочетаемых возможностей письменного текста.

На наш взгляд, картина здесь ровно обратная: «телеграфный стиль», развившийся в среде гадателей, летописцев и т. п. в первой половине I тыс. до н. э. (с некоторыми натяжками сюда же можно подключить и поэтов, хотя вопрос о лаконичности в древнекитайской поэзии — особая тема, которую следует обсуждать отдельно) — это своего рода «профессиональный код», который на высшем этапе своего развития соотносится с естественным китайским языком примерно так же, как, например, с естественным английским языком может соотноситься язык программирования высокого уровня (т. е. такой, который состоит из правильных слов английского языка, сочетающихся друг с другом без явных грамматических нарушений, но при этом [а] использует лишь ограниченную часть лексического и грамматического инвентаря английского и [б] остается непонятным рядовому пользователю, не прошедшему специального курса обучения)⁶.

Попробуем подвести некоторые предварительные итоги. Язык древнекитайских литературных памятников — явление, безусловно, уникальное, в том плане, что это (а) *древний* язык, т. е. такой язык, который доступен нам исключительно в виде структурно-смыслового инварианта корпуса письменных текстов, и одновременно (б) язык *моносиллабическо-изолирующего*⁷ типа, что отличает его от всех остальных известных нам древних языков (индоевропейских, семитских, языков-изолятов Передней Азии и др.). Если добавить к этим двум характеристикам (в) иероглифическую письменность, в целом приспособленную к потребностям моносиллабического языка, но тем не менее на протяжении тысячи лет проходившую через своеобразный «учебный» период, прежде чем ей удалось превратиться в систему, более или менее полностью адекватную записываемому языку; (г) диалектное разнообразие древнекитайского в совокупности с исторической эволюцией каждого из этих диалектов; (д) постепенное развитие особого рода литературно-стилистических стандартов, отличающих «изысканную» речь от «вульгарной», становится понятным, почему, во-первых, до сих пор не прекращаются попытки отказать древнекитайскому «языку канонов» в «естественности», во-вторых, до

сих пор популярно представление, согласно которому для того, чтобы выучить древнекитайский язык (и уж тем более – исследовать и переводить написанные на нем памятники), лингвистическую методика следует во что бы то ни стало подкреплять дополнительными компонентами метаязыкового / философского характера.

Со строго лингвистической точки зрения, спекулятивные рассуждения относительно «особой природы» древнекитайского языка и т. п. вообще вряд ли имеют право на существование до тех пор, пока весь древнекитайский корпус или, по крайней мере, высокорепрезентативная его часть не пройдет через аппарат базисного языкового анализа, включающего максимально точное (насколько это возможно) выявление фонетических, грамматических и сочетаемостных свойств словарного инвентаря – проще говоря, до тех пор, пока в распоряжении специалистов не окажется подробного, современного, основанного на формальном (но при этом доступном для «массового» понимания) аппарате *словаря древнекитайского языка*, а еще точнее – *словаря ранне- и классическо-древнекитайских диалектов*, принимающего во внимание неоднородность и историческую эволюцию описываемого объекта. О некоторых возможных принципах построения такого словаря и о тех конкретных проблемах, которые при этом могут и будут возникать, мы поговорим в заключительной части статьи.

К вопросу об «идеальном» словаре древнекитайского языка

Опыт работы с текстами древнекитайских «канонов» позволяет нам утверждать, что в настоящее время не существует такого лексикографического описания, которое позволило бы исследователю древнекитайских текстов или студенту, обучающемуся на материале этих текстов, получить достаточный и необходимый объем информации о словах, идиоматических сочетаниях и (что не менее важно) типичных проблемах интерпретации языковых единиц древнекитайского языка. Чтобы это утверждение не выглядело голословным, имеет смысл изложить хотя бы вкратце общую концепцию того, какая, по нашему мнению, информация необходима для такого словаря и каким образом она должна в нем быть представлена, а затем сравнить этот «идеал» с тем, как устроены, во-первых, наиболее широко известные и часто используемые словари, во-вторых, те словари, которые ближе всего подходят к этому идеалу.

Прежде всего, в словаре должен быть максимально четко определен *объект* описания. В отличие от словарей, составленных для конкретных памятников или групп памятников («словарь к Четверокнижию», «словарь к Мо-цзы», «словарь поэзии эпохи Тан» и т. п.), формулировка «словарь древнекитайского языка» требует в первую

очередь ясного понимания того, что имеется в виду под термином «древнекитайский язык». Так, в китайских словарях, название которых включает термин *гудай ханьюй* (古代漢語) или *гу ханьюй* (古漢語), не всегда четко проводится различие между собственно древнекитайским языком (хронологически ограниченным либо периодом Чжаньго, либо периодом Цинь – Хань) и литературным «вэньянем» более поздних периодов. Но даже если будет поставлен четкий хронологический барьер (например, 221 г. до н. э. или 220 г. н. э.), это не решает проблему, так как, во-первых, многие из известных нам текстов не имеют однозначной датировки, а во-вторых, если учитывать, что даже «доциньский» древнекитайский покрывает хронологический отрезок почти в тысячу лет, не говоря уже о диалектном разнообразии, то само понятие «словаря древнекитайского языка» до некоторой степени обесмысливается.

В связи с этим возможны две стратегии:

а) отказаться от самой идеи «словаря древнекитайского языка» как в корне порочной, с заменой ее на идею словаря «древнекитайского языка конкретного памятника» (или группы памятников, которые допустимо объединить друг с другом как отражающие примерно один и тот же диалект примерно одного и того же периода) или хотя бы «древнекитайского языка того или иного хронологического периода»⁸;

б) разбить все памятники, так или иначе относимые к «древнекитайскому» периоду, на непересекающиеся (за отдельными исключениями⁹) подмножества, каждое из которых соответствует определенному хронологическому периоду и (там, где это хотя бы в какой-то степени можно установить) определенному диалектному ареалу¹⁰, что позволит для каждого слова (а в идеале — для каждого значения каждого слова) в словаре четко определять хронологические и диалектные рамки употребления.

Очевидно, что в ситуации, когда материалы для «словаря» представляют собой не картотеку, а систему взаимосвязанных баз данных, эти стратегии должны не исключать, а взаимно дополнять друг друга, т. е. должны быть разработаны общие принципы и системы помет, позволяющие без особого труда объединить «разрозненные» словари по конкретным памятникам в «общий» словарь, и наоборот.

Далее, любой словарь «древнекитайского языка» должен стремиться к тому, чтобы отображать ту семантику слов и морфем, которая им была реально присуща в период создания (или хотя бы «оформления») соответствующих памятников, а не появилась позже в ходе эволюции живого языка или, что еще хуже, в результате творческого подхода к комментированию текста со стороны авторитетных филологов начиная с периода Хань и далее. Эта идея представляется вполне

самоочевидной, но, к сожалению, реализовать ее на практике бывает очень сложно.

Можно выделить четыре основных источника наших знаний о семантике лексических единиц древнекитайского языка.

а) *Китайская лексикографическая традиция*, восходящая к эпохе Хань (словари «Эр я», «Шовэнь цзецзы» и др.) и, с определенной точки зрения, достигшая пика своего развития в XX в. с публикацией таких монументальных изданий, как «Цы юань» («Истоки слов», 1915 г.), «Цы хай» («Море слов», 1936–1938 гг.) и «Хань юй да цыдянь» («Большой словарь китайского языка», 1986–1994 гг.). Несмотря на свой безусловный авторитет, эта традиция обладает и очевидными недостатками. Во-первых, ранние образцы китайской лексикографии характеризовались в большей степени интересом к графическому облику слова (иероглифу), чем к его реальному смыслу (это особенно верно для «Шовэнь цзецзы» который тем не менее, в силу своего гигантского объема и пионерского характера для многих исследователей до сих пор остается в большей степени источником информации, чем объектом филологической критики). Во-вторых, даже самые ранние из известных нам китайских словарей отделены от интерпретируемых с их помощью текстов сотнями лет, и нет никаких гарантий того, что значения многих редких слов в таких памятниках, как «Ши цзин», «Шу цзин», «Чуские строфы» и др. уже в этих словарях переданы верно (т. е. с использованием точных эквивалентов в языке более позднего периода). В-третьих, китайская лексикографическая традиция вплоть до начала XX в. почти целиком фокусировалась на описании однослога, записываемого иероглифом; вопросы синтаксического комбинирования однослогов и их идиоматизации в рамках этой парадигмы фактически отдавались «на откуп» комментаторской традиции. Сколько-нибудь системное лексикографическое описание идиоматики начинается лишь с эпохи Цин (словарь-цитатник «Пэйвэнь юньфу», 1704–711 гг.) и достигает зрелости лишь в XX в., причем даже сегодня значимость идиоматических сочетаний для лексического фонда древнекитайского языка (по сравнению с современным языком) в большинстве грамматик, учебных пособий и словарей явно недооценивается.

б) *Китайская комментаторская традиция*, зарождающаяся примерно в одно время с лексикографической (эпоха Хань); оба жанра (словари и комментарии) на самом деле тесно переплетены друг с другом (уже в таких ранних комментариях, как «Мао ши чжуань» к «Ши цзин», многие толкования дословно совпадают с толкованиями соответствующих иероглифов в «Шовэнь цзецзы»), но комментарии, как правило, содержат более детальную информацию о лексике тех

памятников, к которым они написаны, и в меньшей степени ограничены формальными рамками (в частности, толкования свободно приводятся и для двусложных конструкций, и для идиоматических выражений). Основной недостаток классических комментариев тот же, что и у классических словарей: текст комментария от текста оригинала нередко отделяет от нескольких сотен до тысячи с лишним лет, и невозможность тщательно проследить истоки комментаторской традиции лишает современного исследователя уверенности в том, что авторы первых дошедших до нас комментариев опирались на реальное историческое знание, а не на современное им языковое состояние или, еще хуже, на собственную интуицию. Более того, известно, что комментаторская традиция уже начиная с эпохи Хань во многом ориентировалась «на злобу дня», выбирая такие интерпретации составных компонентов текста, которые лучше всего укладывались в общую эстетическую и идеологическую систему ценностей, в рамках которой, по мнению комментатора, должен был быть сочинен соответствующий текст¹¹.

в) *Семантика лексических единиц китайского языка более поздних периодов.* Как бы ни были для нас ценны данные классических словарей и комментариев, представляется, что если то или иное слово древнекитайского языка продолжает существовать в современных китайских «диалектах» (на самом деле языках), где за его значение могут поручиться живые носители языковой традиции, это должно иметь для исследователя и переводчика не меньшее значение, чем толкования в старых источниках. Разумеется, речь здесь идет в первую очередь о «базисной» лексике, семантическая эволюция которой идет достаточно медленными темпами, хотя и здесь нередко попадают «ложные друзья переводчика», доставляющие немало хлопот студентам-китаистам на начальном этапе изучения древнекитайского языка (например, 走 *zǒu* ‘бежать, убегать’ вместо современного ‘идти, уходить’, 說 *shuō* ‘объяснять, толковать’ вместо современного ‘говорить, сказать’ и т. п.). Однако и для «культурной» лексики (особенно терминов, относящихся к сферам флоры, фауны, материальной культуры, обрядовой деятельности и т. д.) сохранность древнего слова в современных диалектах, пусть даже и в несколько видоизмененном значении, уже является надежным подтверждением хотя бы того, что такое слово действительно существовало и относилось к соответствующей семантической сфере. Подчеркнем, впрочем, что речь идет именно о разговорных формах, предполагающих активное употребление, а не об элементах литературного языка, регулярно инкорпорируемых в так называемые словари современного китайского языка, так что здесь ориентироваться следует либо на специальные словари «разговорного» языка, либо на корпуса диалектной лексики.

г) *Информация историко-этимологического характера.* «Народно-этимологическая» традиция объяснять значение слова (иероглифа) через значение близкого к нему по произношению и потенциально близкого к нему по значению другого слова (фонетическое глоссирование) восходит опять-таки к ханьскому периоду и нагляднее всего представлена в словаре «Ши мин» (ок. 200 г. н. э.), хотя многочисленные образцы фонетического глоссирования встречаются и в раннеханьских словарях, комментариях и оригинальных сочинениях¹². Однако при всей той значимости, которую эти глоссы имеют для реконструкции исторической фонетики китайского языка и даже для исследований эстетической и философской направленности, реальной этимологической ценности они не представляют, так как китайские филологи эпохи Хань не были знакомы с базисными принципами этимологии в современном смысле слова. Как таковая этимология стала возможным подспорьем для исследователя древнекитайского текста лишь в XX в., после того как Б. Карлгреном была заложена основа для реконструкции древнекитайской фонологии и фонетики, а А. Масперо фактически положил начало исследованиям в области древнекитайской словообразовательной морфологии. В результате деятельности этих ученых и их последователей идея толкования значения слова через значение *фонетически близких* ему слов была заменена на идею толкования через значение *родственных* (или хотя бы потенциально родственных) ему слов, связанных друг с другом морфологическими преобразованиями¹³.

Из перечисленных типов источников при составлении таких крупных толковых словарей, как «Канси цзюдянь», «Цы хай», «Цы юань» и др., в первую очередь использовались группы а) и б); группа в), т. е. данные современных живых диалектов, как правило, использовалась лишь при сохранении слова с подходящим значением в официальном диалекте — сравнительные данные наречий, отличных от (условно) «столичного», не учитывались в связи с неразвитостью диалектологических исследований. При этом, поскольку толкования в различных словарях и комментариях могут отличаться друг от друга, это нередко приводило к тому, что составители последующих словарей, вместо того чтобы разобраться в ситуации или хотя бы последовательно отмечать противоречия в источниках, просто суммировали все толкования; отсюда — неизбежный рост «псевдозначений» в крупных словарях, чрезвычайно запутывающий и без того непростую ситуацию с полисемией китайского слова, естественным образом обрастающим переносными значениями с течением времени.

Представляется, что на современном этапе развития синологии не критическое отношение к данным классических словарей и ком-

ментариев при составлении словаря нового типа необходимо преодолеть раз и навсегда. Эти данные сами по себе должны становиться объектом научного рассмотрения и могут использоваться лишь как вспомогательные источники в достаточно сложной процедуре «семантизации» древнекитайского слова, включающей следующие этапы:

а) *корпусный анализ*: слово, сначала в своей графической, а затем в «метаграфической» ипостаси (т. е. с учетом всех различных иероглифов, которыми оно может записываться), должно анализироваться с учетом всех или хотя бы большей части контекстов, в которых оно встречается в памятниках того или иного периода. По мере успешной оцифровки все большего числа классических текстов¹⁴ данная задача становится в целом реалистичной (и, безусловно, должна быть решена исчерпывающим образом хотя бы для редких слов);

б) *исторический анализ*: слово должно быть проанализировано на предмет его сохранности в современном языке (как литературном, так и живом разговорном), а в случае его отсутствия в «нормативных» вариантах китайского — в диалектных вариантах (насколько это позволяют технические возможности);

в) *этимологический анализ*: редкие иероглифы, за которыми стоят слова, значение которых не определяется ни по контексту, ни по сохранности в современном языке, могут на самом деле кодировать вполне частотные слова, обычно записываемые другими иероглифами, или их морфологические дериваты. Для того чтобы провести такой анализ, необходимо подключение сведений по исторической фонологии и морфонологии древнекитайского языка. В исключительных случаях можно пытаться уточнить значение слова и по его внешней этимологии (через потенциально родственные слова в тибето-бирманских языках или потенциальные ареальные параллели в языках других семей юго-восточноазиатского региона), но ввиду того, что сино-тибетский этимологический корпус до сих пор не реконструирован с высокой степенью надежности, злоупотреблять этой процедурой (или некритически полагаться на мнение компаративистов) не следует¹⁵.

Только при выполнении этих трех этапов анализа допустимо сопоставление полученных результатов с толкованиями классических лексикографов и комментаторов, что в первую очередь позволит локализовать и перевести в разряд специализированных те значения, которые получили редкие, архаичные и т. п. слова в результате их «вторичной» семантизации (полностью исключать такие значения из подробного словаря, наверное, не стоит, так как на них могли ориентироваться авторы более поздних периодов). И только при том условии, что ни один из этапов анализа не привел к позитивным результатам, основное значение древнекитайского слова может браться напрямую из

текста классического словаря или комментария (и сопровождаться при этом специальной пометой, указывающей на источник значения и предупреждающей о его относительной ненадежности).

Разумеется, полноценная словарная информация не может сводиться исключительно к толкованию/переводу. Если обратиться к новейшим рекомендациям, то довольно подробный и аккуратный перечень типов информации для «идеального» диахронически ориентированного словаря китайского языка, в частности, предлагает в специальной главе своего монументального справочного пособия по китайской истории и источниковедению Э. Уилкинсон (*Wilkinson Endymion. Chinese History: A New Manual*. Harvard University Press, 2013. P. 76–77), хотя, не будучи лингвистом по образованию, некоторые важные детали в этом перечне он все же упускает.

Важнейшей из них, на наш взгляд, является то, что полноценный словарь (древне)китайского языка должен быть в первую очередь словарем *слов*, а не *иероглифов*, т. е. нужно отказаться от идеи, что основным типом словарного вхождения обязательно должен быть иероглиф, за которым на самом деле могут стоять совершенно разные по значению и происхождению слова. Сам по себе тот факт, что, например, слова 乃₁ *най* ‘тогда, в этом случае’ (служебное наречие) и 乃₂ *най* ‘твой’ (местоимение), или 安₁ *ань* ‘спокойный’ и 安₂ *ань* ‘где?, как?’ (вопросительное наречие), не имеющие друг к другу никакого отношения, кроме чисто графического, регулярно оказываются в пределах одной и той же словарной статьи «через запятую», не просто абсурден с лингвистической точки зрения, но и потенциально вреден, так как может легко сподвигнуть неквалифицированного специалиста на поиск ложных семантических связей и «народных этимологий».

В чисто техническом аспекте основное вхождение в словаре может быть представлено, конечно, и иероглифом — если ориентироваться на практические нужды читателя древнекитайского текста, пользующегося печатной (а не электронной) версией словаря и вынужденного искать неизвестное слово по его иероглифической записи (а не по современному пекинскому чтению или, тем более, по реконструкции). Однако в этом случае следует придерживаться принципа «одно слово = один иероглиф», т. е., например, для ДК **Lot* (совр. *yuè*) ‘радоваться’ стоит в качестве основного вхождения использовать однозначно соответствующий ему знак 悅, а знак 說, которым это слово также иногда записывается в ДК текстах, принципиально зарезервировать за ДК **lot* (совр. *shuō*) ‘объяснять, толковать’. Иными словами, грамотно организованное (упрощенное) словарное вхождение, на наш взгляд, не должно иметь вид

說 shuō 1) объяснять, толковать; 2) радоваться, вм. 悅,

а должно разделяться следующим образом:

說₁ shuō объяснять, толковать;
說₂ → 悅,

т. е. «заимствованные» (неосновные) употребления знака должны просто отсылать к «незаимствованным» (основным). Более того, «идеальный» словарь должен учитывать не только каноническую орфографию памятников, но и графические разнописи в альтернативных версиях, включая хотя бы частично и палеографию (исследователю текста в принципе полезно знать, что в доханьских письменных памятниках оба вышеприведенных слова могли вообще записываться как 兌, т. е. совсем без ключей, и что в данном случае снятие омографии за счет добавления ключа 'речь', 'сердце' и т. п. долгое время носило достаточно условный и произвольный характер).

Перечислим теперь конкретные виды информации, помимо чисто графической, которые должна включать словарная статья, посвященная одному односложному слову древнекитайского языка.

1. *Фонетическая.* Помимо современного пекинского чтения, «идеальный» словарь должен непременно включать среднекитайскую фонетическую информацию (иероглифическую транскрипцию *фань-це*, желательно в сопровождении фонетической транскрипционной «расшифровки») и древнекитайскую реконструкцию. Естественное осложнение здесь связано с тем, что на сегодняшний день не существует единой общепринятой реконструкции древнекитайской фонологии, но для электронной версии словаря это препятствие устраняется возможностью включать неограниченное количество реконструированных вариантов, а в печатной версии можно было бы ограничиться одним или двумя «локальными» вариантами в зависимости от конъюнктуры (например, использовать новейшие реконструкции У. Бэкстера и Л. Сагара, или отдать предпочтение отечественной традиции и использовать реконструкции С.А. Старостина¹⁶). Подчеркнем, что расхождения между существующими вариантами на самом деле не столь значимы, как это иногда кажется, и что наиболее существенные из них (например, те, которые вызваны активным использованием данных «словосемей», как это принято в работах Л. Сагара, и, наоборот, консервативно-осторожным подходом к «словосемьям» и большей опорой на данные внешнего сравнения, как в работах С.А. Старостина) могут быть специально обозначены в сопроводительном

тексте к словарю или, в отдельных случаях, даже эксплицированы непосредственно в тексте словарной статьи.

2. *Морфологическая.* В тех случаях, когда внутреннее членение ДК слова на корень, суффикс и/или префикс не вызывает существенных расхождений во мнениях специалистов, это членение следует эксплицитно обозначать: из «идеального» словаря пользователь должен узнавать не только то, что и так очевидно (например то, что слова *wáng* ‘царь’ и *wàng* ‘царствовать’, записываемые одним и тем же иероглифом 王, как-то «связаны» друг с другом по звучанию и по значению), но и конкретные причины этой очевидности (т. е. сложный характер ДК предиката **wáng-s* ‘царствовать’ → совр. *wàng*, образованного от ДК имени **wáng* ‘царь’ с помощью продуктивного словообразовательного суффикса **-s*). Еще важнее, чтобы в «идеальном» словаре отображались все морфологические связи между словами, утратившими всякое сходство (кроме графического, хотя иногда утрачивается и оно) в современном языке — например, 入 **náp* (→ совр. *rù*) ‘входить’ : 納 **náp* (→ совр. *nà*) ‘вносить, преподносить’ (каузативная трансформация за счет удлинения гласного) : 內 **náp-s* (→ совр. *nèi*) ‘внутренняя часть, внутри’ (трансформация из глагола в имя с помощью суффикса **-s*).

Помимо этого, каждое слово должно сопровождаться частеречной характеристикой (полный список выделяемых частей речи и их возможных подтипов должен приводиться в приложении к словарю); поскольку части речи в ДК не имеют ярко выраженных морфологических характеристик, но при этом надежно выделяются на основании синтаксическо-семантических критериев, пометы такого рода чрезвычайно важны для того, чтобы проверять, насколько правильно был проведен анализ текста (если, например, слово было определено как потенциальный предикат, но в словаре сопровождается пометой «существительное», это может быть воспринято как сигнал о возможной ошибке, так как типовые «существительные» в ДК могут конвертироваться в предикаты лишь в исключительных случаях).

3. *Семантическая.* Здесь стоит согласиться с Уилкинсоном, что идеальный словарь должен не стремиться к тому, чтобы перечислять как можно больше отдельных «значений» слова (что в двуязычных словарях, как правило, приводит лишь к нагромождению синонимов языка перевода), а максимально четко определять *исходное* значение и затем располагать *переносные* значения, производные от исходного, в приблизительной хронологической последовательности фиксации в текстах. Альтернативный принцип — отталкиваться не от истории, а от статистики, т. е. на первое место ставить наиболее частотное из фиксируемых значений, но такой подход будет удобен скорее для учебных,

чем для серьезных исследовательских целей, так как не способствует формированию цельного, логически структурированного представления о семантическом поле, покрываемом тем или иным словом.

4. *Текстологическая.* В идеальном «словаре нового типа» для каждого слова должен (в примерной хронологической последовательности) указываться полный перечень источников, в котором оно было обнаружено в том или ином значении, с обязательной статистикой, так как если слово, многократно обнаруженное в памятнике X, лишь один или несколько раз отмечено в памятнике Y, эта информация сама по себе обладает потенциальной значимостью для исследователя (соответствующий факт может, например, быть интерпретирован как косвенный признак интерполяции из текста, написанного на одном диалекте, в текст, написанный на другом). Если эта «задача-максимум» оказывается невыполнимой, то в качестве минимального эквивалента можно для каждого слова отмечать хотя бы общие группы памятников, в которых оно зафиксировано («чжоуская эпиграфика», «философская проза периода Чжаньго», «ханьская поэзия» и т. п.; вопрос стратификации и классификации памятников должен решаться отдельно).

Посмотрим теперь вкратце, насколько эти типы информации отражены в существующих словарях разных типов. В качестве образцов остановимся на трех кандидатурах: (а) «Большой китайско-русский словарь» (сокр. БКРС) под редакцией И. М. Ошанина (М.: Наука, 1983), с момента выхода и по сей день остающийся главным рабочим инструментом студента-китаиста и существенным подспорьем для многочисленных отечественных специалистов-синологов; (б) «Хань юй да цыдянь» («Большой словарь китайского языка», Шанхай, 1986–1993) под редакцией Ло Чжуфэна — один из крупнейших одноязычных словарей китайского языка, продолжающий и в каком-то смысле логически завершающий лексикографическую традицию, ведущую начало от словарей «Цы хай» и «Цы юань»; (в) «ABC Etymological Dictionary of Old Chinese» А. Шюслера (University of Hawaii Press, 2007) — первый в истории этимологический словарь древнекитайского языка, который вполне можно использовать не только с целью узнать происхождение того или иного слова, но и для того чтобы уточнить его значение и внутреннюю структуру.

Фонетическая информация о древнекитайских словах в первых двух словарях фактически отсутствует. В БКРС она ограничивается указанием для каждого иероглифа одного из 106 классов рифм, к которому он относится по системе Ван Вэньюя (1229), «законсервированной» в период правления династии Юань, но не имеющей непосредственного отношения ни к классическим древне-, ни даже к среднекитайским системам рифмовки; для большинства пользовате-

лей БКРС эта информация на практике остается невостребованной. В «Ханьюй да цыдянь», согласно традиции, для каждого иероглифа приводятся соответствующие ему среднекитайские *фаньце* (по традиционной системе в словаре «Гуаньюнь»), а также информация о его среднекитайской просодии, рифме и инициали, но исключительно в традиционной иероглифической кодировке, т. е. без какой-либо фонетической интерпретации, что опять-таки не дает возможности воспользоваться этой информацией без предварительного детального ознакомления с современными теориями интерпретации среднекитайской иероглифической транскрипции. Только в этимологическом словаре Шюслера, что неудивительно, можно обнаружить латинские транскрипции древне- и среднекитайских реконструкций по версии автора (а также, что чрезвычайно важно, доступно написанный «ключ» к их расшифровке в предисловии) — к сожалению, далеко не для каждого древнекитайского слова, так как в словарь вошли только те слова, к которым автор сумел подобрать этимологические параллели.

Морфологическая информация, наличие которой позволило бы пользователю словаря наглядно определить парадигматические связи между лексическими единицами древнекитайского языка, в БКРС и в «Ханьюй да цыдянь» невозможна, так как древнекитайская морфология выводима лишь из фонологической реконструкции; обратиться за ней можно к словарю Шюслера, где описано большинство бесспорных и некоторое количество сомнительных механизмов аффиксальной деривации в ДК, но проиллюстрированы они опять-таки на выборочном материале, т. е. большое число очевидно производных основ, встречающихся в ДК текстах, в словаре просто не учтено.

Семантическая информация для частотных слов в большинстве словарей подается по принципу «максимального нагромождения синонимов», ср. в БКРС для слова 苦 *kǔ* (исходное значение — ‘горький’, т. 2, с. 490): (1) ‘горький, терпкий’; (2) ‘горький, тяжелый, горестный; мучительный; трагический; горько, горестно’; (3) ‘несчастный; жалкий, бедный, нищий; нерентабельный, убыточный’; (4) ‘жестокий, страшный; сильный; чересчур, слишком, крайне’; (5) ‘грубый, небрежный, топорный; низкосортный, плохой’; (6) ‘твердый, настойчивый, старательный; упорно, с крайним напряжением, изо всех сил’ (и это только перечень «адъективных» значений — есть еще «глагольные» и «именные»).

В «Ханьюй да цыдянь», следуя китайской лексикографической традиции, соответствующие группы значений даются в гораздо более лаконичной форме (каждая группа ограничена двумя, максимум тремя синонимами), но конкретные семантические различия между ними все

равно остаются расплывчатыми, а сами толкования частотных однослов часто оказываются набором *двуслогов*, в который толкуемый однослог входит в качестве одного из компонентов — в частности, для слова 苦 *kǔ* в качестве различных значений даются эквиваленты 困苦 *kùn-kǔ* 'нуждающийся', 愁苦 *chóu-kǔ* 'озабоченный', 刻苦 *kè-kǔ* 'усердный' и т. д.; вопрос о том, насколько точно каждое из этих современных «расширений» к исходному 苦 *kǔ* передает значение однослога в сопровождающих примерах, чрезвычайно сложен и вряд ли на регулярной основе ставился перед авторами словаря.

А. Шюссер, следуя традиции, заложенной Б. Карлгреном в его «Grammata Serica», стремится к максимальной семантической лаконичности, а также к эксплицитному маркированию прямых и переносных значений, ср. все для того же 苦 *kǔ*: 'be bitter' > 'distress, hardship' (of labor; of illness) (с. 337). Хотя данный словарь преследует в первую очередь этимологические цели и поэтому не стремится к исчерпывающему исчислению значений рассматриваемых слов, в такой лаконичности есть и определенное преимущество, так как она позволяет сконцентрировать внимание на первичной (или наиболее частотной) семантике слова; что же касается круга переносных значений, то он во многом выводим из синтактики (сочетаемости) слова, и с этой точки зрения для пользователя может быть выгоднее не столько перечень значений, сколько перечень возможных слов, для которых 苦 *kǔ* в ДК текстах может использоваться в качестве определения.

Полнейшее отсутствие *текстологической* информации можно считать вопиющим недостатком БКРС, в котором ни для одной цитаты, вне зависимости от того, какой жанр, диалект или период развития китайского языка она представляет, не указан первоисточник. Хотя данная стратегия скорее всего в первую очередь была продиктована техническими причинами (экономия объема), ее прямой результат — категорическая невозможность использования БКРС в качестве серьезного рабочего инструмента для исследовательской работы сиолога при анализе текстов, написанных на любом из вариантов китайского языка, кроме современного путунхуа (и то с оговорками). В этом БКРС сильно уступает «линейке» словарей «Цы хай», «Цы юань» и «Хань юй да цыдянь», где каждое значение слова, как правило, иллюстрируется цитатой из источника, в котором оно впервые зафиксировано в этом значении, а иногда еще и сопровождается дополнительной ссылкой на объяснение значения в том или ином

классическом комментарии. В очень сжатом виде указание на первоисточник содержится и в этимологическом словаре Шюслера.

Подводя итоги этого (конечно, достаточно упрощенного) сравнения, приходится признать, что до обрисованного выше «идеала» далеко всем трем, хотя гипотетический «гибрид» «Хань юй да цыдянь» и этимологического словаря Шюслера, сочетающий фонетико-морфологическую информацию последнего с подробной семантической и текстологической информацией первого, можно было бы уже рассматривать как первое приближение к «идеалу». Тем не менее, даже такой «гибрид» не мог бы адекватно отвечать целому ряду современных запросов, поскольку семантическая информация в «Хань юй да цыдянь» не обладает той полнотой, которую способен представить корпусный подход к материалу, а грамматическая информация, сопровождающая лексемы древнекитайского языка во всех известных нам словарях, опирается на во многом устаревшие и заведомо неполные описательные модели.

Таким образом, сегодня для того, чтобы даже на самом «базовом» уровне (не предполагающем детального ознакомления со всем массивом аналитических работ по теме) переводить и исследовать произвольно выбранный текст, написанный на одной из разновидностей классического китайского языка, начинающему специалисту можно порекомендовать следующий минимальный «рабочий инструментарий»:

а) хотя бы один из крупных одноязычных толковых словарей «традиционного» типа (лучше всего – «Цы юань» или «Хань юй да цыдянь»);

б) словарь, содержащий информацию фонетического (древне- и среднекитайские фонетические реконструкции) и морфологического (корневой или производный характер слова, его возможное вхождение в ту или иную «словосемью» и т. п.) характера; это может быть как вышеупомянутый словарь А. Шюслера, так, например, и он-лайн база данных «Chinese characters» С.А. Старостина;

в) оцифрованный корпус релевантных для исследования текстов – такой, как, например, корпус «Chinese Text Project» (ctext.org) Д. Стерджена, на настоящий момент включающий в себя почти все канонические и «околоканонические» тексты древнекитайского корпуса доханьского (и частично ханьского) периодов.

Что касается задачи создания «метасловаря», в котором могли бы сочетаться достоинства всех перечисленных видов информации, т. е. такого словаря, который сумел бы интегрировать достижения китай-

ской лексикографической традиции с результатами исследований (преимущественно) западных исторических лингвистов и в то же время отменял необходимость для исследователя постоянно обращаться ко всему текстовому корпусу в целом, то до ее решения, пусть даже частичного, еще далеко. Отчасти такая цель поставлена в международном проекте *Thesaurus Linguae Sericae* (см. примечание 14), однако на передний план при составлении этого словаря выходят скорее вопросы концептуального характера (синонимия, грамматическая и логико-семантическая категоризация), а разработанный авторами дескриптивный аппарат представляется чересчур сложным и громоздким для того, чтобы им мог на постоянной основе пользоваться «рядовой» исследователь классических китайских текстов. Остается надеяться на то, что в относительно недалеком будущем все же удастся собрать хотя бы небольшую рабочую группу, основной целью которой стала бы детальная разработка «идеальной» структуры словаря, одинаково пригодного как для студента, так и для исследователя, и апробация ее на конкретных памятниках китайской словесности (в рамках отечественной традиции к этому в настоящее время прикладывают усилия как кафедры истории и филологии Дальнего Востока ИВКА РГГУ, так и недавно созданная Лаборатория востоковедения Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС). Пока же приходится лишь констатировать, что «нагрузка» на исследователя классических китайских текстов по состоянию на сегодняшний день существенно возросла, так как для адекватного анализа этих текстов, отвечающего современным запросам, требуется владение намного более комплексным инструментарием, чем еще полвека назад.

Примечания

- ¹ Работа выполнена в рамках НИР «Традиционные основы современных культур и макрорегионов Востока» (ШАГИ РАНХиГС, 2013–2014 гг.).
- ² В отечественной традиции первая масштабная попытка выявить и систематизировать эти правила в рамках специально разработанного аппарата структуралистского типа была предпринята В. С. Спириным (см.: *Спирин В. С.* Построение древнекитайских текстов. М.: «Наука», 1976 г.).
- ³ Подробнее о лингвистических аргументах в пользу теории «устного» хождения текстов в доханьском и раннеханьском Китае, см., например: *Kern M.* *The Odes in Excavated Manuscripts // Text and Ritual in Early China.* Ed. by Martin Kern. Seattle/London: University of Washington Press, 2005. P. 149–193.
- ⁴ Г. Дабс даже предложил остроумную «экономическую» теорию, объясняющую развитие лаконичного литературного языка в Древнем Китае необходимостью бережно относиться к дорогостоящим туши и бамбуковым дощечкам

- (см.: *Dubs H. China, the land of humanistic scholarship*. Clarendon Press, 1949); к сожалению, данная теория категорически не объясняет, почему такая бережливость вынуждала китайских авторов регулярно опускать важные для понимания смысла слова, но при этом строго следить за постановку в конце каждой второй или третьей фразы явно излишней конечной частицы 也 *e*.
- 5 *Хуань Куань*. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Перевод с китайского, введение, комментариев и приложения Ю.Л. Кроля. М.: Восточная литература, 2001. С. 131.
- 6 Тот факт, что китайская письменная цивилизация как таковая *начинается* с гадательных текстов (надписи на костях и черепаших панцирях эпохи Шан-Инь), никак не может служить здесь контраргументом: надписи эти, как и любой другой древнекитайский текст, также лаконичны, но лаконизм этот — обычный стилистический, а не «телеграфный». Иньские надписи в массе своей предельно конкретны и тривиальны для понимания; основные проблемы, связанные с их анализом, заключаются в том, что они написаны на наиболее древнем из известных нам диалектов китайского языка и на наиболее древнем из известных нам варианте китайской письменности, а это регулярно затрудняет само по себе *прочтение* и *дословное* понимание текста (в отличие от проблем анализа формул «И цзин», для которых тот или иной дословный перевод текста возможен всегда). Попытки свести древнекитайские эпиграфические тексты к тщательно продуманным структурным моделям, разглядеть в них прототипы сложно организованных «канонов» пока что не имели успеха, и скорее всего это направление, мистифицирующее глубокую древность вместо того, чтобы дать ей реалистичное объяснение, следует признать тупиковым (ср., в частности, очень здравую и обстоятельную критику соответствующих идей В.С. Спирина в: *Крюков В.М. Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу*. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 34–39).
- 7 Наличие в древнекитайском отдельных элементов словообразовательной морфологии мы все же не будем считать достаточным основанием для изменения устоявшейся типологической характеристики этого языка.
- 8 По второму из этих принципов устроен, например, словарь раннедревнекитайского языка А. Шюсслера (*Schuessler Axel. A Dictionary of Early Zhou Chinese*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1987), роль которого в современных исследованиях по переводу и анализу «Шан шу» и «Ши цзин» трудно переоценить, так как он избавляет исследователя от искушения подбора для анализируемого слова семантики, соответствующей языку более позднего периода.
- 9 Естественные исключения здесь — многочисленные случаи цитирования или перифразирования отрывков из «старых» текстов в «новых» текстах: цитата из «Ши цзин», встреченная в «Лунь юй», не в большей степени представляет «язык Конфуция», чем цитата из поэта XVIII в. в речи носителя русского языка XXI в. На практике вычленение цитат, перифразирований и подражаний архаичным образцам из более новых текстов нередко оказывается чрезвычайно сложной, а иногда и принципиально нерешаемой задачей, но в «идеальном» словаре, по-видимому, должно найтись место и для спорных случаев (с допущением помет вида «возможно, архаизм» и т. п.).

- ¹⁰ Проблема выделения диалектов как в ранне-, так и в классическом древнекитайском языке на данный момент в целом остается нерешенной; более или менее систематическое представление вряд ли удастся построить до тех пор, пока в нашем распоряжении не окажется аккуратной лексической и грамматической разметки представительного корпуса древнекитайских текстов. Показательно, что на данный момент в синологии существует как минимум три традиционные линии исследований в области древнекитайской диалектологии: (а) фонетико-поэтологическая, отождествляющая диалектные различия с различиями в хронологически однородных системах рифмовки (см.: *Baxter William H. A Handbook of Old Chinese Phonology*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1992; *Ло Чаннэй, Чжоу Цзumo*. Хань вэй цзинь наньбэйчао юньбу яньбянь яньцзю / Исследования по эволюции системы рифм в периоды Хань, Вэй, Цзинь и Южных и Северных династий. Пекин, 1958); (б) лексико-грамматическая, восходящая к работам Б. Карлгрена и выделяющая различные диалекты в зависимости от статистики употребления в конкретных памятниках тех или иных «диагностических» служебных или знаменательных слов (см.: *Karlgren B. On the authenticity and nature of the Tso Chuan*. Göteborg, 1926); (в) лексикографическая, посвященная изучению первых словарей китайского языка, содержащих информацию диалектологического характера – «Эр я», «Ши мин» и особенно «Фан янь» Ян Сюна (см.: *Serruys Paul L.-M. The Chinese Dialects of Han Time according to Fang Yen*. Berkeley/Los Angeles: University of California Press, 1959). При этом серьезных попыток свести результаты этих исследований воедино до сих пор не предпринималось; по-видимому, это станет возможным лишь после их трансформации в систему взаимосвязанных компьютерных баз данных.
- ¹¹ См., например: *Wagner, Rudolf G. A Sketch of Commentary Strategies during the Han Dynasty*. / R.G. Wagner. *The Craft of a Chinese Commentator: Wang Bi on the Lao Zi*. Albany: State University of New York Press, 2000. P. 31–52.
- ¹² Относительно полный компендиум фонетических глосс периода Восточная Хань, имеющих большое значение для реконструкции звукового инвентаря древнекитайского языка, см. в: *South Coblin W. A Handbook of Eastern Han Sound Glosses*. Hong Kong: The Chinese University Press, 1983.
- ¹³ Наглядный пример – успешная этимологизация философского термина 義 *yì* ‘долг, справедливость’ (ДК **ɲay-s*) через предикат 宜 *yí* ‘быть подходящим, правильным; следует’ (ДК **ɲay*), от которого первое слово образовано в результате продуктивной номинализации через суффикс *-s (см., например, в: *Schuessler Axel. ABC Etymological Dictionary of Old Chinese*. Honolulu: University of Hawai'i Press. P. 566). Вследствие того, что уже в самых ранних текстах для записи этих двух родственных слов использовались разные иероглифы, а производящий предикат к концу древнекитайского периода вышел из активного употребления, связь между этими словами оставалась неочевидной вплоть до раскрытия в XX в. словообразовательных механизмов в ранне-ДК языке.
- ¹⁴ Ср., в частности, чрезвычайно полезный ресурс Д. Стерджена «Chinese Text Project» (ctext.org), на данный момент содержащий уже почти полный комплект классических литературных текстов доциньского и ханьского периодов и предусматривающий возможность иероглифического поиска по всему

корпусу (хотя это, к сожалению, не решает проблемы «метаграфического» поиска с нахождением всех графических вариантов), а также тексты, оцифрованные в рамках корпусного проекта «Thesaurus Linguae Sericae» К. Харбсмейера (tls.uni-hd.de).

- ¹⁵ В настоящее время существует два основных источника по сино-тибетской этимологии: до сих пор не утративший актуальности классический компендиум П. Бенедикта (*Benedict P. Sino-Tibetan. A Conspectus*. Cambridge University Press, 1972) и сравнительный корпус И.И. Пейроса и С.А. Старостина, сопровождаемый таблицами регулярных фонетических соответствий и прасино-тибетскими реконструкциями (*Peiros I., Starostin S. A comparative vocabulary of five Sino-Tibetan languages*. Vols. I–VI. University of Melbourne, 1996; в качестве открытой базы данных доступен на сайте проекта «Вавилонская башня» starling.rinet.ru). Второй источник содержит намного больше этимологий, однако многие из них еще требуют критического осмысления и значительной доработки. Отдельно следует упомянуть проект «Sino-Tibetan Etymological Dictionary and Thesaurus» (stedt.berkeley.edu), которым в настоящее время руководит Дж. Мэтисофф и под эгидой которого вышло в свет немало важных публикаций по сино-тибетской этимологии, хотя общего сино-тибетского компендиума в рамках этого проекта породить пока что так и не удалось.
- ¹⁶ Последний вариант ДК реконструкции Бэкстера-Сагара, суммирующий достижения обоих авторов за последние двадцать лет, опубликован совсем недавно (*Baxter W., Sagart L. Old Chinese. A New Reconstruction*. Oxford University Press, 2014). Реконструкции С.А. Старостина, выполненные в соответствии с установленной им системой правил (*Старостин С.А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы*. М.: Наука, 1989), находятся в открытом доступе по адресу starling.rinet.ru (в виде он-лайн базы данных «Chinese characters»).